

Иеродиакон Филофей (Артюшин)

ОБРАЗ МЕССИИ В ЕВАНГЕЛИИ ОТ МАТФЕЯ: ОТ НАРРАТИВНОГО АНАЛИЗА К НАРРАТИВНОМУ БОГОСЛОВИЮ

Целью данного доклада служит наглядное изображение практической значимости методов литературного анализа и перспективы плодотворного и творческого применения их в православной библистике. Одним из наиболее интересных и востребованных в современных западных исследованиях экзегетических методов и подходов является нарративный анализ. По своей сути он представляет собой глубоко креативный и последовательный процесс проникновения в мир *повествования*, каковым по преимуществу являются и евангельские рассказы о словах и делах Иисуса Христа. С точки зрения методологии примечательно, что привилегированным местом, в котором сосредотачиваются интерпретационные усилия экзегета, является сам *текст* как живая реальность и повествовательная инстанция, а именно: место встречи автора-нарратора, заложившего в текст свой уникальный творческий замысел, и внимательного, или *компетентного* читателя, вступающего в увлекательный диалог с самим автором-рассказчиком, благодаря особой повествовательной стратегии, вовлекающей первого в повествовательную ткань драматичного и емкого по своему содержанию рассказа второго. Все вышесказанное может с успехом быть применено к Евангелиям, Всеведущим Автором которых является Сам Бог, а евангелисты выполняют роль со-авторов, выразителей Его не перестающих быть актуальными идей. Но им по-человечески принадлежит и свобода самовыражения в избранном стиле и аргументации, проявляющиеся в сугубо личностном описании Бога и Христа Мессии, в Чьем Лице находит выражение все Домостроительство Спасения. Ев. Матфей, в частности, последовательно изображает событие рождения и земного служения Христа как исполнение ветхозаветных пророчеств и в то же время живописует его как событие совершенно новое, из ряда вон выходящее, *приводящее в смятение* Ирода и всех жителей Иерусалима (ср. Мф 2:3). В чем же заключается новизна мессианской фигуры в Первом Евангелии? Попытаемся ответить на этот вопрос, применяя к Евангелию как связанному и структурированному макро-тексту некоторые рабочие категории методологического инструментария нарративного анализа¹.

Одной из важных характеристик любого повествования является ритм и динамика разворачивания сюжетной линии. Анализируя структуру Евангелия от Матфея и рассматривая географически путь Мессии, следует отметить, что Христос проходит *путями древними* (Иер. 6:16), переживая заново опыт богоизбранного народа, из которого происходит по плоти. Об этом свидетельствует Его

Иеродиакон Филофей (Артюшин) — доктор богословия, преподаватель Московской Духовной Академии.

1. Из русскоязычных исследований по нарративной методологии следует отметить дипломную работу С. Фоломешкиной: *Современные интерпретации Евангелия от Марка...*

родословная, начинающаяся с Авраама, странника *par excellence* (ср. Быт 12:1–4), от которого, в свою очередь, ведет начало славная история странствий всего Израиля в поисках земли Обетованной. Отчужденность от всего мирского как характерная черта Христа-странника проходит красной нитью через все Евангелие. Рождение Мессии в Вифлееме, удостоверенное пророчеством Михея (5:1; Мф 2:6), помогает более четко оформить этот образ, поскольку указывает оно на *Предводителя, Пастуха*², который будет пасти народ Божий. Бегство в Египет является своеобразным символом всей земной жизни Христа, с самого начала отвергнутого власть предержавшими³, и устанавливает глубокую связь между Богомладенцем *Иисусом* и народом, который Он призван *спасти* от греха (1:21). Пророчество Осии: *из Египта воззвал Я Сына Моего* (11:1), — утверждающее Богосыновство Израиля, становится связующим звеном между этими двумя персонажами, занимающими привилегированное место в евангельской композиции Матфея. Важную роль в этом смысле играют искушения в пустыне, которые Мессия проходит победоносно, как царь, апеллируя исключительно к словам Писания (Мф 4:1–11), и таким образом исправляет роковые ошибки своего народа, так же совершенные в пустыне. Тем самым Он, так сказать, заново переписывает историю богоизбранного народа⁴. На этом завершается первая, начальная, секция Евангелия (1:1–4:16), посвященная раскрытию мессианского величия Христа на основании ветхозаветных Писаний, в типологическом смысле.

Проповедь Мессии начинается словами: *Покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное* (Мф 4:17), — открывающие тему грядущего *царства*, которое являет себя миру в словах и *делах Христа* (11:2). Чудесные исцеления, совершенные в Галилее языческой, разносят весть о Нем по всему Израилю. Всего в трех стихах (4:23–25) евангелист умудряется передать динамизм и географический охват всех происходящих вокруг Мессии событий. Вслед за Ним идут уже не только Его первые *ученики*, но и широчайшие народные массы, в лице которых в повествовании появляется новая нарративная ось, мотив *следования* за Христом. С этого момента — *завязки* сюжета — к каждому читателю будет обращен постоянный призыв: занять место в одной из указанных групп и вступить на дорогу Мессии. Именно здесь, в контексте необыкновенного оживления народа, звучит Нагорная проповедь как *квинтэссенция* всего Его учения, всей проповеди *Евангелия Царства* (4:23). В нарративной секции притч (гл. 13) иллюстрацией данного поворота событий (*turning point*), неожиданного в силу своей молниеносности и произведенного эффекта, служат две притчи — о *горчичном зерне* и *закваске* (13:31–33), — так же необыкновенно краткие по содержанию, но емкие по затрагиваемому в них аспекту внезапности и спонтанного роста.

Наряду с приточными метафорами царства, стремительно приближающегося в эсхатологической перспективе с *пришествием Христа*, неотъемлемым

2. В греч. тексте стоит: ἡγούμενος. Ср. LXX: ἄρχων; МТ: מֹשִׁיחַ

3. В Евангелии от Луки, к примеру, в этом отношении программным становится эпизод в Назаретской синагоге (Лк 4:16–30), когда Христос уже публично выступает на проповедь. Евангелие детства, напротив, сохраняет атмосферу мессианской идиллии. Ср. *Grilli, M. Scriba dell'Antico e del Nuovo*. P. 26.

4. Ср. *Trilling W. Das Wahre Israel*. München, 1964.

атрибутом мессианского миропорядка являются исцеления, составляющие повествовательную ткань секции чудес (Мф 8–9). Начинается она программными словами: *Когда же сошел Он с горы, за Ним последовало множество народа* (8:1). Учение — программа царства Мессии, изложенная в Нагорной проповеди, — достигает своей цели, вовлекает в эту торжественную процессию все новых последователей, но и ставит перед читателем новые проблемы. Миссионерский путь Христа пролегает в первую очередь через скорби и страдания самых несчастных и отверженных обществом людей и неслучайно первым в этом списке назван *прокаженный* (8:2). Подытоживая первые три исцеления, евангелист приводит цитату из Второ-Исаии, раскрывающую глубинную суть всей Его миссии: *Он взял на Себя наши немощи и понес болезни* (Ис 53:4а; Мф 8:17). Характерной чертой новозаветного Раба Господня, Израиля Божия, является *милосердие, кротость и смирение*. Он и Сам говорит об этом в ключевой фразе Евангелия, обращенной ко всем *труждающимся и обремененным* (т.е. к каждому из читателей, до сих пор настойчиво и терпеливо искавших встречи со Христом), — смысловой центр и кульминация всего повествования (4:17–16:20): *научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем, и найдете покой душам вашим* (11:29).

Тема *милосердия*, затронутая уже в заповедях блаженства: *Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут* (ἐλεήμονες), — указывает на мессианскую фигуру Христа, пришедшего *спасти не праведников, а грешников* (9:13). Сокровенным Его желанием является именно *милость* (ἐλεος), т.е. нечто высшее по сравнению с жертвоприношениями (ср. Ос 6:6⁵): то, что в Нагорной проповеди называется «высшей справедливостью», превосходящей праведность книжников и фарисеев (Мф 5:20). Наглядной иллюстрацией этому служит евангельская сцена, которая создает идейный фон для всего последующего повествования: Христос, *видя толпы народа, сжалился⁶ над ними, потому что они были изнурены и рассеяны, как овцы, не имеющие пастыря* (9:35). Образ милосердного пастуха, воскрешающий в памяти пророчества Иезекииля⁷, картинно представлен и в диалоге Христа со своими учениками, непосредственно перед эпизодом насыщения 4-х тысяч в пустыне, где сами Его слова изобличают жалость и сострадание Мессии к вверенному Ему стаду: *Жаль Мне (σπλαγχνίζομαι) народа...* (15:32).

Заключительная секция Евангелия (Мф 16:20–28:20) рассказывает о страданиях и славе Христа в *городе великого Царя* — Иерусалиме (5:35). Все внимание здесь сосредотачивается на полной символизма фигуре Мессии в эсхатологической перспективе. В сцене Преображения она предстает во всем своем ослепительном сиянии славы, и читатель, до сих пор следовавший в тени, становится вместе с избранными учениками непосредственным участником богоявления. Здесь мессианский лик Христа и открывается, и остается сокрыт от наших глаз

5. Важность этой ветхозаветной цитаты состоит в том, что в НЗ она встречается — причем дважды (Мф 9:13, 12:7) — лишь в Евангелии от Матфея и к тому же отсутствует у христианских авторов первых двух веков: *Standaert B.* «Misericordia voglio». P. 110.

6. Гл. σπλαγχνίζομαι имеет яркую семантическую окраску, поскольку является производным от σπλάγχνα (в евр.: מִיֵּרֵךְ): «материнская утроба, внутренности» (*LSJ*: «σπλάγχνον»). Ср.: *Artyushin S.* Raccontare la salvezza... P. 87.

7. Ср. Иез 34:4, 15–16, 23.

из-за облака — остается неизменным лишь Божественный императив, повелевающий слушать *Возлюбленного Сына* Божия (17:5). Ему с нарастающей силой вторят три предсказания о страданиях, указывающих на конечную цель земного странствия Мессии. Пророчество Второ-Исаии (Ис 53:4а), до сих пор служившее прообразовательным фоном для исцелений и чудотворений Христа в Галилее, рельефно выступает именно здесь, в сотериологическом ракурсе, в силу реализма заключенных в нем деталей и мельчайших граней образа страждущего Мессии.

Кульминацией этой секции служит сцена торжественного входа Господня в Иерусалим, где Спаситель в очередной раз изображается как *кроткий Царь*, восседающий *на ослице и молодом осле, сыне подъяремной* (Зах 9:9). Роль царской свиты выполняют простые ученики, члены мессианской общины, состоящей из *малых сих*, т.е. нищих и отверженных, аутсайдеров по отношению к религиозной элите Израильского общества. Хвалу Ему, вошедшему в Храм, воспевают малые *дети*, во исполнение слов Псалмопевца (Пс 8:3). При виде этого весь Иерусалим буквально *сотрясается*⁸ (ср. Мф 2:3), что еще раз указывает на радикальность и неприемлемость данной мессианской модели. Таким образом, страдания Мессии неизбежны, на что указывает вся предшествующая канва Евангелия: Богомладенца Христа отвергает и преследует Ирод; затем, начиная с 12-й гл., против Него восстают книжники и фарисеи, а вслед за ними и жители родного Назарета, для которых, как и для прочих *антигероев* евангельского рассказа, *Премудрость и силы* (13:54) Мессии из простонародья являются поводом к соблазну, настоящим камнем преткновения (ср. 21:44). Смысловым фоном для страданий Господа служат Храм, Иерусалим и вся история избранного народа, над которыми Он творит суд и в то же время на Кресте искупает их от греха, вводит в обновленный завет с Богом, изливая *за многих кровь Нового Завета* (26:28). Именно здесь Его путь достигает своей цели и приводит в исполнение «историю спасения» своего народа: в новом завете с Богом, ценой крови Христовой. Именно здесь снимается напряжение, исчезает *интрига* рассказа, нет более недосказанности и неожиданных поворотов в ходе повествования — все это свидетельствует о приближающейся *развязке*.

Заключительная, поистине триумфальная сцена явления Воскресшего Христа на горе Галилейской (Мф 28:16–20) является блистательным финалом повествования, узловым моментом⁹, в котором сходятся все нарративные нити рассказа и находит окончательное решение проблема мессианства. Христос уже восседает на Небесном Престоле и дает своим ученикам своеобразное завещание, наследниками которого становятся *все народы*. Смысловой акцент падает именно на Его слова, призванные рассеять все сомнения учеников. Первая, *декларатив-*

8. Гл. $\sigma\epsilon\iota\omega$, намеренно употребленный здесь евангелистом, указывает на связь данного эпизода с чудом укрощения бури, землетрясением, последовавшим вслед за Крестной смертью Мессии и ознаменовавшим Его Воскресение, и трепетом стражников, устранных явлением ангела, отвалившего камень от входа во гроб (Мф 8:24, 27:51, 28:2, 4). Примечательно, что и для описания шторма, и землетрясения Матфей использует одно и то же слово: $\sigma\epsilon\iota\sigma\mu\acute{o}\varsigma$ (8:24, 28:2).

9. Этот завершающий отрывок можно сравнить с «высоким пьедесталом, на который читатель приглашается взойти и повернуться назад, чтобы увидеть путь, который был им пройден. Он видит уже разведанные тропы и, впереди, бесконечные пространство и время, вся *история*, которая проходит от смерти-Воскресения Иисуса до скончания века» (Grilli M. Scriba dell'Antico... P. 109).

ная, реплика: дана Мне всякая власть на небе и на земле (28:18), — провозглашает мессианские полномочия Иисуса со ссылкой на Дан 7:14, где Сын Человеческий приходит, для того чтобы судить все народы. В Евангелии же Мессия посылает учеников на проповедь, конечной целью которой является спасение всего человечества. Именно в этом заключается вся Его сила и власть: в прощении грехов, в исцелении человеческих немощей и болезней.

Вторая реплика имеет характер директивы: *Научите* (досл. «сделайте учениками») *все народы* (ст. 19). Речь здесь идет именно о том, чтобы сделать их последователями Христа, т.е. установить между ними и Мессией Израиля связь, и в эсхатологической перспективе установить преемство между богоизбранным народом и язычниками, наследниками спасения Божия, в соответствии с пророчествами Второ-Исаии, создающими идейный бэкграунд для этого миссионерского проекта (ср. Ис 42:6, 49:6).

Третья и заключительная реплика — евангельский эпилог — представляет собой *обетование*: *Я с вами во все дни до скончания века* (Мф 28:20). Это заверение Христа призывает каждого читателя осознать свою ответственность перед Богом, явленным миру Мессией Эммануилом, и постоянно испытывать свою веру пред Лицом милосердного Царя, впредь неизменно пребывающего с человеком как Личность и не отделимого от человеческой истории: помогает устоять в критические моменты сомнений и колебаний и в конечном итоге провозгласить вместе с Петром: *Ты — Христос, Сын Бога Живаго* (16:16).

Подводя итоги проведенному литературному анализу, необходимо отметить, что вышеперечисленные нарративные критерии и конкретные примеры из Евангелия, помогающие очертить мессианский образ Христа, немыслимы вне богословского контекста. В результате внимательного анализа евангельского нарратива как единого целого открываются невидимые ранее грани его понимания. Все это помогает читателю увидеть богословскую позицию евангелиста и нарисовать общую картину развиваемых им идей. Упомянутые выше повороты в сюжете, ключевые эпизоды и связанные в единую цепь нарративные циклы являются важными структурными частями этой картины. Выявляя их и преимущественно сосредотачивая на них внимание, исследователь достигает видимых результатов и делает богословские выводы, оправдывающие всю предыдущую кропотливую работу в нарративном ключе.

Логическим результатом нарративного анализа является *нарративное богословие*¹⁰. В научном изучении Священного Писания с позиций литературной критики на Западе в настоящее время делается акцент именно на богословском осмыслении прочитанного. Прикладной характер нарративного богословия оправдывает значимость и необходимость строго научного подхода к тексту и находит отражение в его *прагматической* направленности, непосредственной адресованности к читателю как активному участнику всего услышанного и прочитанного.

10. Его также называют «рассказанным» или «рассказывающим» богословием: *Aletti J.-N. Il racconto come teologia*. P. 7. Сам термин «богословие» в данном случае следует понимать в техническом смысле, т.е. те богословские выводы, которые следуют из данных библейского текста. Те или иные богословские идеи либо складывающаяся из них богословская картина реконструируются на основании текста.

Ответственность его лежит именно в сфере действия, поскольку после внимательного прочтения и усвоения основных истин богодухновенного текста, логически следует самобытный ответ читателя на поставленные текстом вопросы, принятие или непринятие выдвинутых в нем концепций, на уровне персонажей и самого автора. В конечном итоге плодом такого многостороннего проникновения в мир рассказа не может не стать изменение собственного угла зрения, сообразование его с мировоззрением священного автора, в голосе которого нашла отражение воля Самого Бога.

Источники и литература

1. *Aletti J.-N.* Il racconto come teologia. Studio narrativo del terzo vangelo e del libro degli Atti degli Apostoli. Roma, 1996. 229 p.
2. *Artyushin S.* Raccontare la salvezza attraverso lo sguardo. Portata salvifica e implicazioni pragmatiche del «vedere Gesù» nel Vangelo di Luca. T.Gr.T 203. Roma, 2014. 624 p.
3. *Grilli, M.* Scriba dell'Antico e del Nuovo. Il Vangelo di Matteo. Bologna: EDB, 2011. 128 p.
4. *Liddell H.G., Scott R., Jones H.S.* A Greek-English Lexicon. Vol. I–III. Oxford, 1961–1996 (=LSJ).
5. *Standaert B.* “Misericordia voglio” (Mt 9:13 e 12:7) // Parola Spirito e Vita. 1994. № 29. P. 109–119.
6. *Trilling W.* Das Wahre Israel. Studien zur Theologie des Matthäus-Evangeliums. SANT 10. München, 1964. 248 s.
7. *Фоломешкина С.* Современные интерпретации Евангелия от Марка в американских экзегетических школах. М., 1999. 61 с.